

На правах рукописи

ВЕСЕЛОВА Анна Петровна

**СЕМЬЯ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ:
ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск – 2007

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Томский государственный университет»
на кафедре отечественной истории

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Елена Ерофеевна Дутчак

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Есипова Валерия Анатольевна,
ГОУ ВПО «Томский государственный
университет», Отдел рукописей и книжных па-
мятников Научной библиотеки

кандидат исторических наук
Приль Людмила Николаевна,
ОГУ «Центр документации новой истории
Томской области»

Ведущая организация: **ГОУ ВПО «Томский политехнический
университет»**

Защита состоится 14 декабря 2007 г. в 15.00 на заседании
диссертационного совета Д 212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский
государственный университет» (634050, г.Томск, пр. Ленина 36, корпус 3,
ауд. 41).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО
«Томский государственный университет» (г. Томск, пр. Ленина 34 а).

Автореферат разослан « » ноября 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

О.А. Харусь

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационной работы обусловлена общими проблемами, стоящими перед современной цивилизацией. Постиндустриальный мир унифицируется быстрыми и необратимыми темпами. Последствия данного процесса противоречивы. С одной стороны их можно рассматривать как упрощение взаимодействия между этносами, культурами, прозрачность границ между государствами, но с другой – как потерю культурной уникальности, утрату самобытности.

Еще одним проблемным вопросом современных техногенных обществ является прогрессирующее ухудшение демографической ситуации, что напрямую связано с кризисом семейных ценностей и низким уровнем рождаемости. Применительно к России речь на сегодняшний день идет уже не о критическом моменте, но о грозящей катастрофе. Как правило, экономические сложности здесь имеют второстепенное значение, первостепенной причиной является отсутствие системы мотиваций к созданию семейных союзов и рождению детей.

Антиглобалистическое движение один из спасительных путей видит в потенциале традиционных конфессий, «который мог бы стать нерушимым бастионом в противостоянии набирающим все большую интенсивность процессам глобализации»¹. В этом плане опыт староверия, адаптивные возможности которого позволяют на протяжении уже более трех веков в условиях, как правило, враждебных внешних обстоятельств сохранять свое культурное лицо, может быть неocenim. Особый интерес в данном контексте представляет поповское согласие, залогом сбережения самобытности, сохранения и трансляции культурных максимумов которого является институт семьи.

Поповское согласие является одним из основных направлений старообрядчества, представители которого, в отличие от беспоповцев², приемлют священство. В XVIII – первой половине XIX вв. оно существовало под общим названием беглопоповства. После утверждения белокриницкой иерархии основ-

¹ Анатолев А. Глобализм versus традиционализм // НародРу. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dglobal.narod.ru/anatoliev.html>, свободный.

² Употребление подобных терминов («поповство», «поповцы», «беспоповство» и др.) представляется возможным в силу их традиционного использования в исследовательской литературе. Никакой негативной оценки автор в них не вносит.

ная часть беглопоповцев перешла на ее сторону и сформировала белокрыницкое согласие (в настоящее время действующая РПСЦ).

Изученность темы исследования. Диссертационная работа рассматривает институт семьи и брака в культуре, сформировавшейся на основе конфессиональных целей, ценностей и норм. В таком случае обязательным является изучение особенностей и истории данного религиозного сообщества. В связи с этим в работе освещаются два историографических направления: история исследования поповского согласия и отдельно историография старообрядческой семьи.

Историография поповского согласия. В огромном массиве работ, посвященных староверию в целом, исследования поповского согласия составляют незначительное число.

В XVIII и XIX веках поповское направление, как правило, анализировалось в общем контексте истории и проблематики раскола (работы Н.И. Ивановского, П.С. Смирнова)¹. Однако с конца XIX века обозначились две специальные темы, вызывающие до сих пор устойчивый исследовательский интерес. Одной из них является история старообрядческой австрийской иерархии. Первое воплощение она нашла в работах Н.И. Субботина, опубликовавшего и проанализировавшего значительное количество материалов, относящихся к деятельности белокрыницкой иерархии².

Вторая тема – основные центры поповского согласия. Во второй половине XIX в. Н.И. Попов на основе собранной им библиотеки рукописей издал два тома «Сборника для истории старообрядчества»³. Второй том сборника включает документы, отражающие деятельность Иргизских монастырей – мощного оплота поповцев на протяжении длительного времени. На рубеже

¹ Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. Казань, 1900. Ч. 1: История раскола; Он же. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. Казань, 1901. Ч. 2 и 3; Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе XVII века. Исследование изначальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898; Он же. История русского раскола старообрядчества. СПб., 1895.

² Материалы для истории так называемой Австрийской, или Белокрыницкой иерархии. Под изд. Н. Субботина. М., 1899; Субботин Н.И. История так называемого Австрийского, или Белокрыницкого священства. М., 1895. В. 1. Учреждение раскольнической митрополии в Белокрыницком монастыре; Он же. Несколько слов о новейших событиях в расколе. М., 1867; Он же. Раскольнические споры о метриках. М., 1867; Он же. Современные летописи раскола. М., 1869. В. II.

³ Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н. Поповым. М., 1864. Т. 1; Исторические очерки беглопоповщины на Иргизе с 1762–1866 года. Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н. Поповым. М., 1866. Т. 2.

XIX–XX вв. М.И. Лилеев выпустил несколько работ по истории Ветки и Стародубья¹.

По-разному можно оценивать личность и труды П.И. Мельникова-Печерского, однако его работа «Исторические очерки поповщины»² до сих пор остается одним из самых информативно насыщенных сочинений по истории поповского согласия.

Знаковой фигурой в изучении сибирского староверия в целом и поповского согласия на территории Сибири в частности является Д.Н. Беликов, освещающий в своих работах историю появления раскольников в Сибири, основные волны и причины их переселения, а также положение беглопоповства, деятельность первых сибирских архиереев австрийской иерархии и некоторые страницы из их биографий.

В начале XX века, в так называемый «золотой» период старообрядчества (1905–1917 гг.) появляется целая плеяда исследователей, принадлежащих к поповскому согласию (к белокрыницкой церкви). Сочинение В.Е. Макарова «Очерк истории Рогожского кладбища в Москве»³ является первым опытом написания специальной истории Рогожского кладбища. Перу Ф.Е. Мельникова принадлежит значительное количество работ, но определяющее место занимает среди них «Краткая История древлеправославной (старообрядческой Церкви)»⁴, полно и многоаспектно освещающая историю поповского согласия.

После революции тема старообрядчества (и тем более отдельно поповского согласия) как не созвучная с реалиями советского времени долго не получала самостоятельного освещения. Важнейшим и кардинально новым этапом в изучении старообрядчества стали археографические экспедиции, позволившие отечественной филологической и исторической науке с 60-х гг. XX в. организовать ширококомасштабные исследования старообрядчества. В

¹ Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье в XVII–XVIII вв. Киев, 1895. В. I; Он же. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье в XVII–XVIII вв. Нежин, 1901. В. II; Он же. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье в XVII–XVIII вв. Нежин, 1902. В. II (Продолжение).

² Мельников П.И. Полное собр. соч. СПб.–М., 1898. Т. XIII. Очерки поповщины. Ч. 1; Он же. Полное собр. соч. СПб.–М., 1898. Т. XIV.

³ Макаров В.Е. Очерк истории Рогожского кладбища в Москве // Богородск-Ногинск. Богородское краеведение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bogorodsk-noginsk.ru/starover/23_makarov.html, свободный.

⁴ Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999.

1990-е гг. логичным следствием объемной полевой работы, а также политических перемен в стране в целом, стал своего рода исследовательский «бум», характеризующий ситуацию в изучении староверия и на современном этапе. Материалы конференций от регионального до международного уровня, многочисленные сборники статей, посвященные истории, литературным традициям, предпринимательству, этнографическим особенностям старообрядчества позволяют определить весь спектр тем, волнующих ученых. С сожалением нужно признать, что работ, посвященных поповским направлениям совсем немного.

Можно назвать несколько статей и небольших работ, освещающих жизнедеятельность Белокриницкого согласия в различных российских регионах¹. Единственная тема, по-прежнему устойчиво привлекающая интерес, это традиционные поповские центры. Например, сборник «Старообрядчество в России»² обращается к некоторым страницам из жизни Керженца, Иргиза, Рогожского кладбища; работа Е.М. Юхименко «Старообрядческий центр за Рогожской заставою»³, построенная на архивных документах, отражает этапы развития Рогожской общины и ее роль в истории поповского согласия, экономическую жизнь и деятельность известных попечителей.

В некоторой степени такое положение дел компенсируется складыванием группы исследователей, являющихся членами РПСЦ. Можно сказать, что в лице И.М. Любимого и Н.А. Старухина⁴ старообрядческое направление в историографии вновь получает возрождение.

¹ Елисеев Е.Е. Об исповеднике Мефодии, епископе Уральском и Сибирском // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы конференций. М., 2002; Он же. Этапы восстановления Дальневосточной епархии РПСЦ в конце 90-х годов XX в. // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы конференций. М., 2000. С. 247–258; Куприянова И.В. Старообрядческие общины Алтая в 1920–1930-х гг. Барнаул, 2006; Сметанина Е.В. Старообрядцы–поповцы в современной Бурятии // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы конференций. М., 2005. С. 323–327.

² Старообрядчество в России (XVIII–XX вв.). Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М., 1999.

³ Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. М., 2005.

⁴ Любимов И.М. Педагогические принципы обучения чтению детей – старообрядцев (из опыта воскресной школы для детей Рогожской старообрядческой общины) // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы конференций. М., 2000. С. 374–377; Он же. Проблемы религиозного просвещения старообрядцев // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы конференции 1995. М., 1996. С. 16–20; Он же. Современное старообрядчество (движение по вертикали и горизонтали) // Старообрядчество: история, культура, современность. Выпуск 5. М., 1996. С. 2–7; Старухин Н.А. Старообрядчество Алтая: исторический очерк // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы конференций. М., 2005. С. 328–333; Он же. Очерки по истории Томско-Алтайской епархии: Новосибирская старообрядческая община Рождества Пресвятыя Богородицы // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Материалы четвертой международной научной конференции 14–17 сентября 2004 года. Владивосток, 2004. С. 132–136.

В целом, для историографии поповского согласия XVIII – начала XXI вв. характерны следующие особенности: небольшое количество самостоятельных работ по данной теме; рассмотрение поповского направления в общем контексте истории староверия; устойчивость исследовательского интереса лишь к отдельным сюжетам.

Историография старообрядческой семьи также насчитывает небольшое количество специально освещающих тему работ. Исследователей раскола, как правило, интересовали другие вопросы, а те или иные стороны семейной жизни староверов попадали в их сочинения по ходу изложения основных сюжетов. Однако собрание воедино этих сведений дало возможность выделить три основных подхода в изучении старообрядческой семьи в работах прошлого и настоящего (историко-юридический подход, этнографический и междисциплинарный).

Историко-юридический подход делает акцент на легитимной форме семейных отношений – браке.

Его появление в середине XIX в. было обусловлено волной общего интереса к старообрядчеству и изданием фундаментальных трудов по истории церковного раскола, в которых оказались отражены и старообрядческие споры о браке (сочинения митрополита Макария, А.П. Щапова, П.С. Смирнова и Н.И. Ивановского).

Кроме того, во второй половине XIX в. интерес к брачным отношениям староверов был актуализирован проводимой в стране реформой судебной системы. В частности, одними из важнейших являлись вопросы о компетенции духовной власти в регулировании брачного права. Закон 1874 г. о «раскольнических браках» формально расширил гражданские права староверов в брачной сфере, поэтому общественность воспринимала его как доказательство того, что «наше законодательство в отношении раскольников вступило на путь гражданской регистрации брачного союза»¹.

¹ Добровольский В.И. Брак и развод. Очерк по русскому брачному праву. СПб., 1903. С. 54.

На пересечении двух тенденций (общего интереса к старообрядчеству и поискам путей реформирования брачного права) находится работа И.Ф. Нильского «Семейная жизнь в русском расколе»¹, являющаяся до сих пор одной из самых информативных по теме семейных отношений староверов.

Традиция изучения брачных вопросов в старообрядчестве была продолжена советскими и постсоветскими исследователями. Например, П.Г. Рындзюнским, выделяющим социально-экономическую подоплеку деления старообрядцев на брачников и бракоборцев²; О.Н. Садовой, давшей классификацию старообрядческих сочинений о браке³.

Определенным показателем вновь возникающего интереса к брачным вопросам староверов в настоящее время стала работа И.П. Коровушкиной, освещающая аспекты частной жизни староверов-беспоповцев, внутреннее устройство их общин, связи между учениями о браке и попытками воплотить их в жизнь. В монографии А.И. Мальцева «Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.»⁴ на основе обширнейшей источниковой базы получили комплексное освещение вопросы взаимоотношений основных беспоповских согласий в течение всего указанного периода. Проблема брака рассмотрена автором как один из ключевых пунктов, порождающих противоречия.

Этнографический подход предоставляет информацию о семейном быте, о ролях и распределении обязанностей в семье, об укладе и хозяйственных традициях. Он создает картины повседневной, «живой», эмоциональной сферы семейных отношений.

Этнографическая традиция в изучении старообрядческой семьи насчитывает практически полтора столетия. Ее родоначальником в XIX веке стал

¹ Нильский И.Ф. Семейная жизнь в русском расколе. М., 1869. Вып.1. (От начала раскола до царствования императора Николая I); Он же. Семейная жизнь в русском расколе. М., 1869. Вып.2. (Царствование императора Николая I).

² Рындзюнский П.Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1950. В. 1. С. 193.

³ Садовая О.Н. Старообрядческие полемические сочинения о браке XVIII – первой трети XIX // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 196–218.

⁴ Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск, 2006.

П.И. Мельников-Печерский¹. Сегодня общепризнано, что его романы «В лесах» и «На горах» обладают большой информативностью и могут служить историческим источником в изучении семьи и семейной обрядности староверов.

В конце XIX – начале XX вв. этнографическое изучение старообрядчества было продолжено Русским Географическим Обществом, ставшим научным и координационным центром подобных исследований в стране.

Не прервалось этнографическое описание староверов и в советское время. Первоначально оно осуществлялось в рамках изучения общей истории и культуры народов, населяющих территорию СССР. В итоге, по материалам этнографических экспедиций нескольких десятилетий, направленных на эти цели, были изданы объемные монографии, в которых с разной степенью полноты представлена культура жизнеобеспечения, религиозные воззрения, народная этика, искусство. Значительное внимание уделено семейному быту, обычаям и обрядам. В общем контексте по всем этим аспектам были освещены культурные особенности староверов². Книги подготовлены большей частью коллективом авторов сектора этнографии русского народа Института этнографии АН СССР (затем Отдела этнологии русского народа Института этнологии и антропологии РАН): В.А. Александровым, И.В. Власовой, Т.А. Ворониной, М.М. Громько, А.А. Желтовым, И.А. Кремлевой, В.А. Липинской, Т.А. Листой, и другими. Многие из сотрудников института и сегодня продолжают изучение старообрядческой культуры, но уже с учетом современных исследовательских тенденций, предполагающих неразрывное единство материальных и идеальных культурных составляющих.

В последние годы появилось несколько работ, акцентирующих внимание на роли семьи в передаче традиций в старообрядчестве и использующих для анализа методы разных наук. В частности, этнографические

¹ Мельников-Печерский П.И. В лесах. В двух книгах. М., 1987; Он же. На горах. В двух книгах. М., 1986.

² На путях из Земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989; Русские. М., 1997; Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. Итоги этнографических исследований. М., 2001; Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX вв. М., 2001.

сведения, информация о брачных вопросах староверов сочетается с изучением процессов социализации в работах Н.И. Романовой, Г.Н. Чагина и И.Ю. Трушковой¹.

Проведенный анализ исследовательских традиций дает основания для следующих выводов: во-первых, весьма небольшим по объему и по количеству затрагиваемых вопросов остается набор исследований по поповскому согласию; во-вторых, существует незначительное количество комплексных и специальных работ, посвященных старообрядческой семье и фактически отсутствуют они по теме семьи в поповстве. Таким образом, обозначенная актуальность темы и ее недостаточная изученность акцентируют необходимость изучения поповской старообрядческой семьи и ее адаптивных способностей.

Объект исследования – семьи староверов белокриницкого согласия на территории Томской области.

Предмет исследования – способы, используемые старообрядческой семьей для межпоколенной передачи конфессиональной традиции.

Цель исследования – выявление адаптивных функций и возможностей старообрядческой поповской семьи.

Для поставленной цели необходимо выполнение следующих **задач**:

1. изучить источники формирования и особенности старообрядческого брачного права;
2. определить причины устойчивости института брака в культуре староверов-поповцев; для этого: а) рассмотреть взаимосвязь учения о браке и идеологических теорий поповцев; б) проследить историю института брака в поповском согласии в XVIII–XX вв. в контексте государственной политики по отношению к староверию;

¹ Романова Н.И. Верхнеубынское старообрядчество Рудного Алтая: историко-культурологический аспект: дис. ... канд. ист. наук / Кемерово, 2000; Чагин Г.Н. Семья у русских старообрядцев Верхоямья: традиции и новации в XX – начале XXI вв. // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Материалы четвертой международной научной конференции 14–17 сентября 2004 года. Владивосток, 2004. С. 106–110; Трушкова И.Ю. Материальная и духовная культура старообрядцев Вятского региона: особенности существования в XX – начале XXI века // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Материалы четвертой международной научной конференции 14–17 сентября 2004 года. Владивосток, 2004. С. 110–116.

3. выявить корпус авторитетных текстов, на основании которых староверие формирует представления об идеальной модели семьи, семейных отношениях и воспитательном процессе;

4. раскрыть особенности семейных отношений и процесса воспитания в староверии, работающие на сбережение и передачу конфессиональных ценностей, норм и образцов поведения.

Территориальные рамки работы определяются двумя уровнями исследования. На макроуровне они составляют территорию России как Митрополию Русской Православной Старообрядческой Церкви, включающую в себя белокриницкие епархии и приходы, на микроуровне – территорию Томской области.

Хронологические рамки работы – XX – начало XXI вв. Нижняя дата определяется временем формирования компактных поселений староверов-поповцев в Томском регионе, верхняя граница – ситуацией продолжающихся полевых археографических исследований. Однако поскольку истоки особенностей старообрядческой семьи сформировались гораздо раньше, то исследование включило в себя весь период существования поповского согласия (вторая половина XVII в. – начало XXI вв.).

Методические основы диссертационной работы. Основным методом в диссертационном исследовании является микроисторический анализ. Его выбор обусловлен рядом причин.

Во-первых, микромасштаб (отдельные семьи) способен отразить повседневную жизнь старообрядческих семей. Это крайне важно, поскольку на уровне повседневности происходит взаимодействие старообрядческой культуры как культуры традиционной и окружающего мира, представляющего «внешние» условия для нее; соответственно, осуществляются адаптационные процессы и формируются их последствия.

Во-вторых, уровень микромасштаба позволяет осуществить комплексное исследование старообрядческой семьи с привлечением социологических методик. Речь идет о синтетическом анализе семьи как малой группы и как института. С одной стороны, рассмотрение семьи как малой группы раскрывает особенности отношений между ее членами, распределение ролей, атмосферу в

семье в целом, а также то, каким образом существующие установки на семью, особенности модели семьи обеспечивают стабильность и устойчивость данного социального образования. С другой стороны, подход к семье как к институту предполагает освещение явления не как автономного объекта, но в обязательном контексте социальных отношений и взаимодействий. Данный подход акцентирует внимание на том, каким образом семья обеспечивает вовлеченность личности в сложную структуру существующего общества¹.

В соответствии с принятой классификацией **источниковая база** исследования подразделяется на несколько групп.

1. *Законодательные акты*, принятые официальной властью (как светской, так и церковной) в отношении старообрядчества. В данную группу вошли постановления, непосредственно или косвенно определяющие положение института брака в старообрядчестве на протяжении XVIII – начала XXI вв. Во-первых, они позволяют судить об официальном статусе староверческого брака в исторической динамике. Во-вторых, оценить, в какой степени официальное законодательство могло стабилизировать или дестабилизировать институт старообрядческой семьи.

2. *Периодическая печать*. К этой группе следует отнести отчеты миссионеров и священнослужителей о состоянии благочиний в Томской епархии; обзоры деятельности Томских Епархиальных Миссионерских съездов; Отчеты Противораскольнического Братства Димитрия Ростовского и др., опубликованные в Томских Епархиальных Ведомостях за 1883–1914 гг. Рассмотренные статьи позволяют определить состояние и особенности брачного вопроса у староверов-поповцев Сибири.

3. *Полевая документация*. К ней относятся материалы (полевые дневники и личный архив автора), полученные в результате археографических экспедиций Томского государственного университета 1998–2007 гг., в которых принимал участие автор диссертационной работы. Экспедиции проводились на территории Асиновского района, где в настоящее время существует компактное поселение староверов-поповцев, и были направлены на многоаспектное изучение жизнедеятельности старообрядческих поповских семей.

¹ См.: Антонов А.И. Медков В.М. Социология семьи. М., 1996.

4. *Нормативные и делопроизводственные документы.* Они представлены в основном похозяйственными книгами, а также другими отдельными материалами Муниципального архива Асиновского района. Архивные источники в работе носят не самостоятельный (в силу краткости это проблематично), но дополняющий характер по отношению к устной истории. Взаимоотношение архивных и полевых документов в данном случае можно определить как своего рода симбиоз: архивные свидетельства по рассматриваемой теме представляют, по сути, набор схематичных строк, которые устная информация наполняет жизнью и красками, но именно они в свою очередь способны стать для устных источников определенным каркасом надежности.

5. *Канонические и правовые акты старообрядцев.* К ним относятся Кормчая книга, постановления староверческих соборов, Постановления Совета Митрополии РПСЦ. Упоминаемые в работе старообрядческие соборы относятся к разным временным отрезкам, но их объединяет общая тематика – они направлены на регулирование брачных отношений. Постановления Совета Митрополии РПСЦ характеризуют ее деятельность на современном этапе, а также отражают наиболее актуальные проблемы в жизнедеятельности всего белокрыницкого согласия.

6. *Историко–литературные памятники.* К ним относится духовная литература старообрядцев и тексты нравоучительно-назидательного характера христианской и старообрядческой традиции. Это книги Священного Писания, Поучения Иоанна Златоуста, жития, сборники Измарагд, Домострой, а также отдельные поучительные статьи. В совокупности обозначенные произведения позволяют составить образ идеальной православной семьи, поддерживаемый в старообрядчестве.

7. *Полемико-догматические старообрядческие сочинения.* В массе своей они написаны лидерами беспоповских согласий, но отражают этапы, содержание, причины, аргументы общестарообрядческих споров о браке.

8. *Интернет–ресурсы.* Современный старообрядческий мир быстрыми темпами осваивает киберпространство – практически каждое жизнеспособное согласие в староверии имеет свои сайты (иногда по несколько, в зависимости от региональных групп). В работе в основном использованы материалы двух глав-

ных сайтов в белокриницком согласии – это официальный сайт РПСЦ и сайт белокриницкой Уральской епархии¹ (Интернет-версия журнала «Остров Веры»). Информация, представленная на сайтах, позволяет оперативно отследить текущие события в белокриницком согласии в целом и на уровне отдельных епархий, познакомиться с мнением старообрядческих священнослужителей и рядовых членов РПСЦ по различным религиозным и бытовым вопросам.

Новизна исследования.

1. В диссертации впервые предпринято комплексное исследование института семьи в поповском согласии, построенное на основе законодательных, делопроизводственных, историко-литературных и нарративных исторических источниках.

2. Проведенное исследование утверждает и доказывает, в том числе на основе местного материала решающую роль семьи в сохранении и трансляции культуры староверов-поповцев.

3. В рамках исследования были систематизированы и раскрыты темы брачного права и истории брака в старообрядческом поповском согласии, до этого момента остававшиеся практически неизученными.

Структура диссертации продиктована поставленными задачами. В первой главе раскрываются особенности института брака в поповском согласии и причины его устойчивости. Во второй – анализируются характерные черты семейных отношений и воспитательного процесса в староверии. Третья глава раскрывает адаптационные возможности и функции семьи в старообрядчестве на примере отдельных поповских семей. Таким образом, первая и вторая глава являются необходимым подготовительным этапом для постижения современной ситуации, рассмотренной в третьей главе.

¹ <http://www.rpsc.ru>; <http://www.miass.ru>.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определены актуальность темы исследования, его предмет и объект, сформулированы цель и задачи, обозначены методические основы работы, хронологические и территориальные рамки, проведены историографический и источниковый обзор.

Первая глава «Институт брака в поповском согласии» состоит из трех разделов.

В первом разделе «Источники и особенности старообрядческого брачного права» раскрыты источники брачных норм, на основе которых сформировались понятие брака, брачные установки и практики в старообрядческой среде. Их освещение необходимо для адекватного понимания брачных устоев, существующих в прошлом и воспроизводимых староверием сегодня.

В России со времени введения христианства для регулирования брачных вопросов применялись разнородные по своему содержанию статьи преимущественно греческого происхождения. В середине XVII века большинство из них было объединено и дополнено в первой печатной Кормчей (1649–1653 гг.), содержащей самостоятельную часть, посвященную брачным отношениям, – 50 главу¹. В ней были точно определены существующие виды родства и свойства, установлены их крайние границы для запрещения браков; даны необходимые инструкции священнику по подготовке и проведению обряда венчания. И главное – в тексте 50-й главы впервые было представлено определение брака, по сути, утвердившее его догматическое понимание (обязательность благословения священника для совершения брака).

Именно текст печатной Кормчей позднее послужил основой для эволюции русского законодательства и судебного производства по брачным делам. В XVIII–XIX вв. на государственном уровне положения о браке были существенно смягчены, однако староверами нововведения в брачной сфере не были приняты вовсе. 50-ая глава и другие статьи печатной Кормчей до сих пор являются для них источником формирования брачных норм.

¹ В иосифском и никоновском экземплярах Кормчей данная глава идет под номером 51. В работе поддерживается нумерация синодальных изданий в силу их большей распространенности.

Второй раздел «Трансформация брачных норм в старообрядчестве под воздействием догматических установок» отражает неоднозначность и сложность «брачного вопроса» в староверии в целом.

Беспоповские согласия в силу признания наступления «последнего времени», пришло к отрицанию священства и соответственно всех остальных таинств, требующих обязательного присутствия иерея (таинство брака оказалось в их числе). Таким образом, проповедь безбрачия, обусловленная эсхатологическими настроениями, возникла в беспоповской среде уже во второй половине XVII века.

Под воздействием естественных требований жизни и в результате многолетних споров беспоповские согласия меняли свое отношение к институту брака от полного отрицания до признания его необходимого характера, но все они утратили восприятие брака как христианского таинства. На практике это привело к абсолютному доминированию обрядовой стороны в совершении бракосочетания и многообразию местных вариантов заключения брака.

Староверы-поповцы не приняв нового учения о наступлении «царства антихриста» остались на позиции сохранения церковной иерархии и всех таинств. Они не отошли от догматического понимания брака, но сложности его каждодневного воплощения в жизни одновременно привели к идеологическому творчеству другого характера. В частности, к оправданию практики беглопоповства.

Система, сложившаяся для жизнеобеспечения беглопоповства, была представлена центрами, которые «исправляли» беглых священников и рассылали по общинам для совершения треб. За неимением церковью требы совершались в бытовых условиях – венчание проходило прямо в избах. Невозможно точно определить, насколько данный механизм обеспечивал потребности поповского населения. Однако он был очень устойчив: при наличии центров и идеологическом оправдании нестабильным элементом в нем были беглые попы. Единственное, что кардинально могло расстроить работу данной системы – это направленная на ее разрушение официальная политика.

Третий раздел «Институт брака староверов-поповцев в контексте официальной политики XVIII – XIX вв.» посвящен анализу официального законодательства и способов, с помощью которых староверы-поповцы стремились стабилизировать институт брака и семейные отношения в целом.

В первой половине XVIII века отношение властей к «внецерковным» бракам было однозначно негативным: наказанию подлежали как решившие пожениться подобным образом, так и священники, проводившие венчание. Преследования староверческих священников в сочетании с жесткими мерами против старообрядческих центров дестабилизировали поповское согласие. Они лишали поповские общины необходимого числа священнослужителей, таким образом, нарушая через отсутствие обязательных треб их жизнедеятельность. К тому же вновь актуализированные в это время эсхатологические ожидания, поиски новых мест жительства в результате гонений сами по себе противоречили ведению спокойной семейной жизни. Все же данный период можно идентифицировать как этап временных трудностей, не принесший кардинальных изменений в утверждающуюся практику беглопоповства.

Во второй половине XVIII – начале XIX вв. отсутствовало законодательство, непосредственно посвященное брачным вопросам староверов. Однако для данного временного этапа характерен ряд правительственных мер, самым положительным образом влияющих на стабильное исполнение таинства брака и существования института брака в целом. Два крупнейших старообрядческих центра – Иргизские монастыри и Рогожское кладбище – без существенных препятствий со стороны официальной власти обеспечивали поповскому согласию необходимое число священнослужителей. Поэтому данный период можно охарактеризовать как расцвет беглопоповской практики.

Во второй четверти XIX в. в результате общего ужесточения правительственного курса в стране и целенаправленных «противораскольнических» мер поповское согласие оказывается в ситуации небывалого «оскудения священства». К середине XIX века прерывается своеобразная цепь старообрядческих центров (Ветка – Стародубье – Керженец – Иргиз – Рогожа), которые через преемственность и взаимосвязь поддерживали жизнеспособность организма

поповского согласия. Старообрядческий мир сталкивается с фактом физического отсутствия духовных лиц.

В ситуации «оскудения священства» возможно выделить несколько основных линий поведения староверов-поповцев: подача прошений к правительству о даровании старообрядцам отдельных иереев; стремление различными способами компенсировать постоянно уменьшающееся число священников (совершение треб «по почте» «с оказией», «аренда попов»); обращение для совершения таинства брака в «никонианские» и единоверческие церкви; заимствование беспоповских брачных обрядов. В результате, старообрядчество поповского согласия, поставленное суровыми правительственными мерами в ситуацию практически полного отсутствия духовного чина, обращается к идее поиска архиерея, в итоге реализовавшейся в становлении белокриницкой церкви в середине XIX столетия.

Несмотря на то, что белокриницкая иерархия была полностью организована усилиями русских староверов, ее утверждение в России в 50-е гг. XIX в. шло медленными темпами по причине строгого контроля правительства за «сношениями наших раскольников с иностранными»¹. Однако уже к концу XIX века этим процессом были охвачены все российские губернии: к 90-м годам белокриницкую церковь представляли до 20 архиереев и множество священнослужителей, сетью епархий была покрыта вся территория страны.

Четвертый раздел «Семейно-брачные отношения сибирских староверов-поповцев в конце XVII – начале XX вв.» главным образом основан на материалах Томских епархиальных ведомостей. Их анализ приводит к выводу об общем пути развития сибирских и европейских представителей поповского согласия. В отношении института брака сибирские поповцы придерживались общих норм, принятых в поповском согласии. Поэтому отправления их брачной жизни (и духовной в целом) всецело зависели от священников, присылаемых в сибирские земли из поповских центров, с которыми были установлены устойчивые связи. «Оскудение священства» во второй четверти XIX в. сущест-

¹ Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1858. С. 484.

венно затруднило функционирование поповских общин, о чем можно судить по многочисленным переходам на позиции беспоповства и в единоверие.

Распространение в Сибири белокриницкого согласия смогло стабилизировать старообрядческие поповские общины юго-западных районов Томской губернии, исторически более ориентированные на поповское вероучение. Особенностью сибирских территорий являлась многочисленность белокриницких приходов по сравнению с их количеством у официальной церкви и отсутствие четких границ между конфессиями. Наличие неподалеку старообрядческого священника, низкая стоимость требоисправления стимулировали «никонианское» население совершать венчание в белокриницкой церкви, а сибирские староверы часто совершали браки в официальных церквях для придания им «крепости» и формально переходили для этого в «никонианство».

Вторая глава «Особенности семейных отношений и воспитательного процесса в старообрядчестве» состоит из трех разделов.

В первом разделе «Старообрядческая семья как воплощение традиционной модели семейных отношений» раскрываются основные черты, характеризующие семейные взаимоотношения и модель семьи в старообрядчестве. К ним относятся непрменный авторитет родителей, особое положение мужа и отца, подкрепленное возможностью физического наказания, четкое разделение ролей в семье, стремление к хозяйственной автономии и самообеспечению, обязательное трудовое воспитание.

Таким образом, для старообрядчества до сих пор характерно позиционирование традиционной модели семьи как идеальной, основанной на авторитетных в старообрядчестве текстах (книги Священного Писания, сочинения нравственно-поучительного характера – такие как Измарагд, Пчела, произведения Иоанна Златоуста, Домострой).

Воспроизводимая староверами традиционная, по сути, средневековая модель семейных отношений была широко распространена в России вплоть до начала XX века, характерна она во многом и для современных «никонианских» религиозных (особенно сельских) семей. Однако при наличии внешних сходств, старообрядческая семья в силу конфессиональной специфики главной своей

целью ставит сохранение «древней веры». Это подразумевает не только непрерывную трансляцию традиций, но их сбережение от «инокультурных» влияний, что также осуществляется именно в семейных рамках.

Второй раздел «Система запретов: формирование, особенности и современное состояние» посвящен самому очевидному защитному «механизму» старообрядческой культуры.

В соответствии со своими религиозными представлениями старообрядчество позиционирует окружающий его мир как пространство зла и антихриста. С целью избежать контактов с этим «внешним» миром и насколько возможно изолироваться от него в старовойрии был выработан целый комплекс запретов, пополнявшийся с течением времени и охватывающий самые разные сферы жизнедеятельности.

Запреты прививаются детям на бытовом уровне и в процессе воспитания, в ходе социализации. Движущими силами здесь являются авторитет родителей и угроза наказания, наступающего в результате нарушения запретов. Подкрепляющее действие оказывают авторитетные книги, с помощью которых родители аргументируют свои назидания.

Для современного старообрядчества характерно значительное «ослабление» запретов, что осознается на сегодняшний день белокрыницким согласием как одна из важнейших проблем. Своими действиями РПСЦ старается установить и сохранить своего рода вынужденный баланс между идеальными представлениями и объективным ходом вещей.

Третий раздел «Религиозное воспитание и образование в старообрядческих семьях» раскрывает особенности воспитательного и образовательного процессов, также работающие на сохранение и неизменность старообрядческих традиций.

Именно в семье у ребенка формируется религиозное мироощущение – главный стержень старообрядческой культуры. Оно прививается исподволь, перманентно и естественно. Самое важное, что ставится во главу угла в старообрядческом воспитании – это любовь и почитание Бога.

Воспитание начинается с обрядов жизненного цикла, через которые в миропорядок ребенка постепенно и органично входят все семь священных таинств и представления о храмовой жизни. Неизменным атрибутом любого действия у староверов является молитва. Считается, что каждый новый день, каждую трапезу необходимо начинать и заканчивать ею. Значительно закаливает характер, тренирует выдержку обязательное соблюдение всех постов. В старообрядчестве, как правило, не постятся только младенцы: девочки до двухлетнего возраста, мальчики – до трех лет.

Важнейшую часть религиозного воспитания, как и воспитания в целом, составляет знакомство детей со священной литературой. При этом в определенном возрасте данный процесс выполняет двойную функцию: это еще и профессиональное образование – обучение кириллической грамоте.

Первоначально дети знакомятся с богодухновенными текстами посредством своих родителей: это могут быть цитаты или целые фрагменты из авторитетных книг, произносимые вслух по разным поводам, а также прямое зачитывание целых произведений, доступных для понимания ребенка. Например, к последним относятся жития святых. Следующий логический этап – это обучение грамоте. В прошлом система обучения грамоте среди старообрядцев во многом копировала традиционную древнерусскую систему, сочетавшую домашнее образование с обучением силами "мастеров" и "мастериц". В настоящее время большая часть староверов получает азы кириллической грамотности в рамках семьи. Прежней остается схема обучения: начинают с азбуки, затем идет Часослов, потом Псалтырь.

В последние годы, в связи с падением общего уровня кириллической грамотности среди староверов, организация и функционирование образования старообрядческой молодежи стали одним из приоритетных направлений в деятельности РПСЦ. Но в силу первых шагов предприятия и недостаточности ресурсов, существующие воскресные школы еще пока далеки от удовлетворения образовательных потребностей староверия.

Таким образом, обучение грамоте в староверии на сегодняшний день осуществляется, как правило, на уровне семьи и построено на духовных тек-

стах. Но это лишь одна из многочисленных функций кириллической книги в старообрядчестве. Значение духовных книг в мире староверия огромно. Она является духовным «окормителем», основным советчиком. В постоянной опоре на «богодуховенные» тексты старообрядчество выверяет и тем самым сохраняет свой культурный базис. Подобное отношение к духовной книге также возвращается и прививается в семье.

Третья глава «Старообрядческие поповские семьи XX века: социокультурные характеристики и адаптивные функции» посвящена выявлению адаптивных функций старообрядческой семьи в условиях меняющего «внешнего» окружения.

Понятие адаптации в общем смысле означает приспособление к внешним условиям существования. Изменение последних новым и незнакомым образом требует привлечения разнообразных ресурсов. Для традиционной культуры внешними условиями являются исторические реалии той или иной эпохи. Старообрядчество, несмотря на конфессиональные изоляционные установки, также находилось не в закрытом пространстве, но являлось и является частью общероссийской действительности, и на протяжении более чем трехсотлетнего периода существования испытывало одинаково сложное, но при этом различное по своим условиям «внешнее» воздействие. Это требовало для решения главной задачи конфессии – сохранения «древлего благочестия»– привлечения разных способов самосохранения.

Если определять институт семьи в качестве основного фактора сохранения культурных максимумов в поповском согласии, то очевидно предположение о том, что с учетом трансформации условий он также способен к определенным изменениям – способен по-разному выстраивать отношения с «внешним» обществом и культурой. Как правило, последствия подобных взаимодействий, в целом успех (или неуспех) адаптивных процессов оценивается на общекультурном уровне. Однако их формирование происходит в постоянном столкновении старообрядческих семей с влияниями инокультурного общества, в ежедневной практике семьи, на ее повседневном уровне. В связи с этим оправдано обращение к жизнедеятельности отдельных старообрядческих семей,

освещение и анализ которой в различные исторические периоды (то есть при различных «внешних» условиях) выявляет социокультурные черты и адаптивные функции старообрядческой семьи. Однако их установление требует предварительного рассмотрения исторического контекста существования семей и их «биографий», что и получило отражение **в первом разделе третьей главы «Старообрядческие семьи п. Гарь в историческом контексте».**

В качестве объекта исследования выбран семейный клан староверов белокриницкого согласия. Его ядро составляют родные братья, проживающие со своими семьями в Асиновском районе Томской области. По структуре клан представляет традиционный для старообрядчества большой многосемейный коллектив, состоящий из нуклеарных семей с отдельными домохозяйствами. Коллектив возглавляет один из братьев, обладающий решающим словом как по общесемейным, так и религиозным вопросам.

Установленные в ходе исследования биографические сведения, история семьи, ее структура, внутрисемейные особенности, хозяйственные характеристики дают возможность рассматривать данную семью как типичную в старообрядческом поповском согласии, следовательно, выявлять и изучать на ее примеры адаптивные функции, свойственные институту семьи в поповском согласии в целом.

Второй раздел ««Нисходящие» и «восходящие» процессы повседневной жизни старообрядческих семей» непосредственно посвящен анализу основных сфер повседневной жизнедеятельности семьи в советский и современный периоды.

В работе для рассмотрения повседневной действительности была применена концепция Б. Вальденфельса¹, обладающая на наш взгляд серьезным аналитическим потенциалом для реализации целей настоящего исследования. Терминология «восходящих» и «нисходящих» потоков, формирующих повседневность, позволяет объяснить, каким образом семья в старообрядческой

¹ См.: Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-логос: Социология. Антропология. Метафизика. М., 1991. С. 40–50.

культуре контролирует влияние «внешних» условий и тем самым реализует свои адаптивные функции.

«Нисходящая» направленность повседневных потоков обусловлена тем, что в повседневности происходит «формирование и организация человека в обществе... Сюда относится процесс обживания, который принимает формы обучения, освоения традиций и закрепления норм... В этом процессе повседневность выступает в качестве сферы, где собираются и хранятся своего рода смысловые осадки». «Нисходящим» потокам повседневной жизни семьи соответствуют процессы социализации. Социализацию детей выполняет каждая семья, наряду с репродуктивной и экзистенциальной (содержание ребенка) это одна из ее главных функций.

«Восходящий» поток, в свою очередь, связан с появлением инноваций и новых понятий, являющихся отклонениями и отходами от правил. «Повседневность существует как место образования смысла, открытия правил. Когда именно новое и оригинальное более не улавливается интегративным общим порядком или регулятивным основополагающим принципом, тогда оно принимает форму отклонения».

Специфика старообрядческой семьи в этом плане состоит главным образом в «восходящих» потоках. В старообрядческой культуре, где область повседневности не только строго охраняется соблюдением традиций, но и регламентируется в духовных текстах, вероятность появления подобных «восходящих» тенденций является очень низкой. Данные «отклонения», порождающие «новые смыслы», возникают в ней именно на границе соприкосновения с «внешним» миром.

Рассмотренные в работе примеры истории и настоящего старообрядческих семей позволяют убедиться в том, что институт семьи в поповском согласии стабильно выполняет трансляцию культурных ценностей: устойчиво воспроизводит модель семьи и семейных отношений, воспитательный процесс с его обязательными составляющими: воспитанием «в вере», трудовыми обязанностями, нравственными нормами. Однако особенность старообрядческой се-

мы заключается не только в трансляционных процессах, но в обязательном сохранении преемственности поколений в *неизменном виде*, обусловленном задачей сбережения чистоты «древней веры», т.е. в осуществлении контроля за «восходящими» потоками. Понятие контроля означает следующее. Во-первых, семья стремится к ограничению любых возможностей появления «восходящих» процессов через воспрещение контактов с «внешним» окружением. Во-вторых, при условиях, когда некоторое принятие «новшеств» является менее губительным, чем их категорический запрет, семья позволяет их частичное усвоение, но при этом не допускает растворения в традициях, не допускает их переход на «нисходящий» уровень. Поэтому «вынужденно» принятые отклонения являются реалиями одного или нескольких поколений, но не становятся общекультурной нормой и при первой возможности нивелируются. В-третьих, институт семьи способен при возникновении благоприятных внешних условий реанимировать невоспроизводящиеся по объективным причинам традиции, но сохраненные в культурной памяти.

В заключении излагаются основные выводы исследования:

– На протяжении всей истории существования старообрядчества брак и брачные нормы поповцев сохраняли устойчивость, обеспечивая стабильность семейной организации в целом. В старообрядческом поповском согласии до сих пор поддерживаются догматическое учение о браке, восприятие брака как таинства, недопустимость разводов.

– В построении модели семьи, формировании семейных отношений и воспитательного процесса старообрядчество руководствуется нормами, представленными в текстах, почитаемых староверами в качестве авторитетных. Выстраиваемый в соответствии с ними образ во многом сохраняет черты традиционной, по сути, средневековой модели семейных отношений. К ним относятся иерархичность внутренней структуры семьи, четкое разделение ролей, традиционность воспитательного процесса, стремление к хозяйственной самостоятельности и др.

– Рассмотренная модель семейных отношений была широко распространена в России еще в начале XX в., характерна она во многом для современных «никонианских» религиозных семей. Однако при внешних сходствах, старообрядческая семья выполняет задачу сохранения «древнего благочестия». На общекультурном уровне эта задача подразумевает, во-первых, актуализацию конфессиональной специфики, что выражается в религиозности, пронизывающей все сферы жизнедеятельности, и в поддерживаемой до сих пор кириллической грамотности; во-вторых, необходимость соблюдения «чистоты» веры, что привело к выработке в староверии системы запретов и ограничений разного уровня. Роль семьи здесь состоит в устойчивой и надежной организации и осуществлении религиозного воспитания и образования, а также в обеспечении формирования и усвоения системы запретов.

– Старообрядчество существует не изолированно, но в постоянном «инокультурном» окружении, представляющем различные «внешние» условия для старообрядческой культуры, в том числе такие, в которых категоричные установки на запрет не срабатывают. Институт семьи с учетом трансформации условий существования также способен к определенным изменениям – способен по-разному выстраивать отношения с «внешним» обществом и культурой, тем самым реализуя свои адаптивные функции.

Таким образом, старообрядческая семья, являющаяся с одной стороны статичным и очень стабильным социальным образованием, но с другой гибко реагирующая на изменение «внешних» условий, позволяет стабилизировать и в целом сохранять культуру староверов-поповцев.

Приложение включает фотодокументы, наглядно представляющие повседневную жизнь старообрядческой семьи.

Практическая значимость исследования заключается в том, теоретические положения диссертации могут быть использованы в написании общих работ по семейной тематике, культуре и истории старообрядчества, в разработке пособий и учебных курсов по религиоведению и истории русской культуры.

Публикации автора. Основные положения и результаты исследования отражены в следующих статьях:

Статья, опубликованная в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК:

1. Веселова А.П. Старообрядческая семья как воплощение традиционной модели семейных отношений // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 300(III). – С. 52–54 (3 с.).

Статьи, опубликованные в других изданиях:

2. Веселова А.П. Современная старообрядческая семья: традиции и новации. Возможные пути развития // Материалы научных конференций студентов и аспирантов исторического факультета ТГУ 1998–2001. – Томск: Издательство Томского университета, 2003. – С. 140–144 (5 с.).

3. Веселова А.П. Книжная культура староверов Томской области. Возможные пути изучения. Тезисы // Материалы Второго Московского международного фестиваля визуальной антропологии и конференции «Традиции и объектив: В поисках цельности» (Москва, 24–28 мая 2004 г.). – М.: ТЕИС, 2004. – С. 15–16 (2 с.).

4. Веселова А.П. Роль устной истории и архивов в изучении старообрядческой семьи: проблема исторического источника // Человек – текст – эпоха: Сб. науч. статей и материалов. – Вып. 2: Современные проблемы источниковедения. – Томск: Издательство Томского университета, 2006. – С. 51 – 62 (12 с.).

5. Веселова А.П. Исследовательские практики при изучении старообрядческой семьи: историографический обзор // Вестник Томского государственного университета. Приложение: Серия «Труды докторантов, аспирантов и молодых ученых Томского государственного университета». – 2006. – № 20. – С. 17–19 (3 с.).